

ЕЛЕНА НЕВЗОРОВА-КМЕЧ

Лодзинский университет, Филологический факультет, Институт русистики, Кабинет дидактики при Кафедре языкознания (Лодзь, Польша)

История этимологизирования русской жаргонно-разговорной речи

О русском субстандарте уже написано много во многих странах, проведена и запланирована не одна конференция, посвященная новой лексике и фразеологии, на которых одними из обсуждаемых тем являются те, что связаны с жаргоном (арго, сленгом). Как оказывается, этот объект (жаргон) остается, и, по-видимому, останется во внимании, более или менее пристальном ученых-лингвистов. Каждое поколение носителей привносит в язык что-то новое, а задача лингвистов стараться не пропустить новости в языке, а зафиксировать и описать их. «Исследования (...) за последние полтора века развивались весьма динамично: от тайных языков и арго замкнутых социальных групп – к молодежному жаргону, являющемуся основным ресурсом обновления современной речи и литературного языка» (Герд и др. 2009: 483).

Одной из таких насущных проблем, которые стали предметом многочисленных споров стало определение терминов *арго*, *жаргон*, *сленг*. До сих пор лингвисты не пришли к универсальному решению этого дискуссионного вопроса, и употребляют эти термины «как взаимозаменяемые синонимы» (Герд и др. 2009: 469). Однако попытку систематизации массы созданных определений данных понятий предпринял В. В. Химик в работе «Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен», изданной в 2000 году. В ней петербургский ученый пишет:

«Арго – это закрытая лексическая подсистема специальных номинаций, обслуживающих узкие социально-групповые интересы, чаще всего профессиональные. Арготизмы – рациональные номинации-терминоиды (подобные терминам), используемые в практических интересах профессии ремесла, дела. (...) Жаргон – значительно более широкое понятие, полуоткрытая лексикофразеологическая подсистема, применяемая той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества. Жаргонизмы – это, как правило, эмоционально-оценочные экспрессивные образования, среди которых преобладают негативные снижающие номинации (...)» (Химик 2000: 12–13).

Однако при дефинировании автор названной монографии оговаривается, что «резкой границы между жаргонизмами и арготизмами нет» (Химик 2000:13), ссылаясь на Л. И. Скворцова. «Сленг, – по В. В. Химику, – это практически открытая подсистема ненормативных лексико-фразеологических единиц разговорно-просторечного языка, его стилистическая разновидность, или особый регистр, предназначенный для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски (обычно негативной)» (Химик 2000: 14). Важной является при некой строгости классификации мысль о взаимопроникновении и взаимодействии понятий арготизм – жаргон – сленг (интер-жаргон) – просторечие. Эта же идея высказывается и авторами «Большого словаря русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Они пытаются нейтрализовать споры между жаргонологами, опираясь на опыт Б. А. Ларина, указывают на зыбкость границ между этими понятиями и принимают термин *жаргон* как доминантный. В своем лексикографическом труде они исходят из дефиниции Л. И. Скворцова (Русский язык. Энциклопедия 1997):

«Жаргон – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных групп людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п. (напр., жаргон моряков, летчиков, спортсменов, учащихся, актеров). В нестрого терминологическом смысле «Жаргон» употребляется для обозначения искаженной, вульгарной, неправильной речи [то же, что арготизм], но с пейоративной, уничижительной, оценкой» (цит. по: Мокиенко, Никитина 2000: 7; Герд и др. 2009: 471).

Жаргонно-разговорная речь, или жаргонизированная разговорная речь – это термин, который введен был в научный обиход В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной с целью лексикографической интерпретации некоторых слов и фразеологизмов, которые носителями языка воспринимаются как относящиеся к разговорной, так и жаргонной стихии, или, как указывается в предисловии к словарю, это те многозначные единицы, которые находятся на зыбкой границе между собственно жаргонным и общеупотребительным (Мокиенко 2000: 8). С другой стороны, можно отметить, что в этом термине отражен синхронно-диахронический подход авторов к исследованию и описанию лексики и фразеологии. Создание пометы *жрр* стало следствием стремления к достоверной классификации единиц через проверку уже описанных жаргонизмов предшественниками у «информантов живого речевого материала» (Мокиенко 2000: 8), а также желанием «представить стихию нашего русского жаргона как мощную, динамичную, саморазвивающуюся систему» (Мокиенко 2000: 14). Например, заглавное слово **ШАРАП** имеет следующую словарную статью:

ШАРАП, -а, м. *Угол.* Грабеж, призыв к грабежу (В. Беца). Грачев, 1997, 23. ♦ **Братъ на шарап (на шарапа)** *кого, что.* *Угол., жрр.* Действовать смело, решительно. СРВС, II, 167; III, 80; ТСУЖ, 24. // Добиваться чего-л. за счет грубости, нахальства. Б., 22; СРВС, I, 52; II, 20, 25, 58; ТСУЖ, 31; СВЯ, 10. **На шарап!** *Жрр. Груб.* Призыв рас-хватывать что кому придется. БАС, XVII, 1274.

Видим из нее, что слово, которое было зафиксировано у В. Беца в «Бояцком словаре выражений, употребляемых босяками», изданном в 1903 году, позднее стало употребляться в составе фразеологических единиц (ФЕ), расширяя сферу функционирования, о чем свидетельствует хотя бы то, что ФЕ *на шарап* занесена в БАС. Также данная единица отмечена в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» (БСРРЭР) В. В. Химика (2004) с пометой *жарг.* ‘действовать наскоком без подготовки’ (с. 723), что показывает нам усечение первой ФЕ *братъ на шарап (на шарапа)*. В. М. Мокиенко и М. А. Грачев в Историко-этимологическом словаре русского жаргона (ИЭСРЖ) (Грачев, Мокиенко 2008) указывают на связь ее с *братъ на арапа* (см. Грачев, Мокиенко 2008: 30–34). А последнее уже в БСРРЭР имеет помету разг.-сниж. и значение формулируется как ‘нагло, дерзко обманывать; хитростью уловками добиваться чего-л.’ (с. 25). Она же в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (Куз.) без пометы фиксируется со значением ‘добиваться от кого-л. обман-ным путем, посредством уловок’ (с. 45).

Авторы стараются очень внимательно описывать каждую единицу, однако, напр., *клёвый* не было опомечено как *жрр.*

КЛЁВЫЙ, -ая, -ое. **1.** *Офен., угол., мол. одобр.* Хороший, отличный, прекрасный. Бондалетов, 92. *Одно хорошо — родокиюменя клёвые.* Мы, 1991, № 2, 71. — *Почему ты там работаешь? — Потому что там ребята клёвые.* Огонек, 1992, № 12, 21. «Клёвое место» (Название магазина для рыболовов. СПб.). Никитина, 1998, 186. + СРВС, I, 39, 66, 76, 202; II, 42, 118, 182; III, 21, 58, 63, 96, 215; Елистратов, 196; DL, 133; Быков, 100; Никольский, 66; Грачев, 1992, 89; Балдаев, I, 188; ББИ, 106; ЕЗР, 74; Мильяненков, 139; Югановы, 106. ♦ Клёвое дело. См. ДЕЛЮ. **2.** *Угол.* Надежный, верный. ТСУЖ, 85. **3.** *Угол.* Доходный, выгодный. Балдаев, I, 188; ББИ, 106; Мильяненков, 139.

Внимательное отношение к паспортизации каждого слова и фразеологизма, по-видимому, не позволило употребить этого сокращения. Но *клёвый* ведь имеет широкое употребление за пределами жаргона. Однако, даже БСРРЭР и Куз. ее помечает лишь как *жарг.* Думается, что данные Корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) показывают, что *клёвый* ‘хороший, отличный, прекрасный’ вышло за рамки жаргонов и молодежного сленга. М. А. Грачев и В. М. Мокиенко в ИЭСРЖ пишут, что «в настоящее время она (лексема *клёвый* – пояснение наше Е. Н.) воспринимается как английское заимствование,

где *clever* – ‘умный’» (Грачев, Мокиенко 2008: 130). Данное предположение подтверждается данными словаря «Заемствования в русском субстандарте. Англицизмы» (Вальтер и др. 2004: 150–151), в котором составители в словарных статьях КЛЁВЕ, КЛЁВЕНЬКИЙ, КЛЁВЕНЬКО, КЛЁВО, КЛЁВОСТЬ, КЛЁВЫЙ пишут, что эти единицы происходят от английского *clever* (в словаре – < *От англ. clever*). Вряд ли удачно поставили данную помету авторы словаря заимствований, поскольку тем самым вводят в заблуждение читателей. Ведь данная единица уже отмечается в тайных и условных языках XIX в. (см.: Приемышева 2009: 519). В. Д. Бондалетов (1980: 69), возводит к новогреческому языку, но отмечает функционирование подобного слова в польском языке. И действительно, *угол.* и *вор.* **KLAWO** ‘dobrze, świetnie, wspaniale, tak prawda’ (Estreicher 1903, Ludwikowski i Walczak 1922) ♦ *Na klawo* ‘na dobre’. *Na klawo pęka z chawiry* ‘uciekła z domu na dobre’. *Zabastować na klawo* ‘przestać kraść zupełnie’. *Narobić bigosu na klawo* ‘zeznać prawdę w śledztwie, przyznać się’. А также **KLAWY**, 1. ‘dobry, piękny, mądry, przebiegły, sprytny’ (Estreicher 1903, Ludwikowski i Walczak 1922, Dąbrowski 1924) (см.: К. Стęпняк, *Słownik tajemnych gwar przestępczych*, Лондон, 1993, s. 234). Последнее слово в значении ‘bardzo dobry, wspaniały, świetny, znakomity’ фиксируют его и позднейшие словари: М. Чешевского (Czeszewski 2001: 107), Л. Качмарека, Т. Скубялки, Ст. Грабьяса (Kaczmarek 1994: 68), Я. Анусевича и Я. Скавиньского (Anusiewicz 1996: 266), С. Кани (Kania 1995: 111) и др.

Итак, как видно из приведенных примеров, вопрос историко-этимологического анализа русской жаргонно-разговорной речи является очень важным аспектом в лексикографическом ее описании. Как следует из названия словаря М. А. Грачева, «Словарь тысячелетнего русского арга», некоторые жаргонно-разговорные слова и выражения уходят корнями в глубокую древность, т.е. XI в. Сбор же и описание материала уже продолжается более 200 лет.

«XIX в. в России – это период начала научного освоения различных условных языков, воровского арга. Несмотря на то что многие исследователи, ссылаясь на предположения этнографов и писателей XIX в., утверждают, что тайные языки существовали на Руси с XI – XII вв., а офенский возник с XIV – XV вв., достоверные, фактически подтвержденные этнографические и научные данные об их функционировании появляются только с конца XVIII в., поэтому XIX в. оказывается периодом, когда тайные, условные языки становятся объектом научного и литературного интереса и периодом, когда этот объект получает материальное и, хотя и очевидно, неполное воплощение» (Приемышева 2009: 8 (1)).

Именно в XIX – начале XX в. собирается материал об условных языках (И. И. Срезневский, В. И. Даль, В. И. Чернышев, П. В. Шейн и другие в том числе зарубежные ученые, см. подробнее библиографии к работам, напр: В. Д. Бондалетова, М. А. Грачева, В. М. Мокиенко, Х. Вальтера). Сравнительным изучением арготической лексики и фразеологии европейских язы-

ков занялся Л. Дифенбах (1857). Обобщающий анализ по тайным языкам представил Ягич в 1895 г. Описание слов, которые употребляются в жаргоне встречаем и в этимологическом словаре М. Фасмера (Приемышева 2009).

Начало же историко-этимологического анализа на широком европейском уровне было «положено штудиями Б. А. Ларина и специалистами по цыганскому, тюркским языкам, ивриту и др., привлеченными к такому исследованию» (Герд и др. 2009: 484). В своей работе «Западноевропейские элементы русского воровского арго» (1931) Б. А. Ларин говорит о необходимости исследования выявления общих элементов, двухсторонних заимствований «в арго соседних илиближающих стран». Предполагает, что в русском появятся элементы из финского, турецкого, новогреческого, польского и балтийских, а также немецкого, французского и монгольского, палеоазиатских языков (Ларин 1931).

В этот же период появляются статьи о заимствованиях из разных языков в русском жаргоне, напр., из цыганского – А. А. Баранникова (1931), идиш – М. М. Фридмана (1931), турецкого – Н. К. Дмитриева (1931). Угрофинские элементы выявлял Д. В. Бубрих. Огромным подспорьем для ученых является собранный (также переписанный из других источников) и почастично лексикографированный материал. В самом начале XX в. и в его 20 – 30 гг. выходят словари (словарики) арго (В. Бец, Г. Виноградов, Н. Виноградов, Б. Потапов, Н. Смирнов, В. Ф. Трахтенберг, П. Фабричный и др.), продолжают работы над объяснением жаргонных слов (Б. Глубоковский). Параллели между словами и оборотами национального языка и социальных диалектов описывает В. М. Жирмунский (1936). Он же работает над составлением еврейского диалектологического атласа Белорусской Академии Наук (1940). Социальной диалектологии посвящены в это время работы также Б. А. Ларина, Д. С. Лихачева, В. Стратена и др. (Приемышева 2009: 7). Собственно подход этих ученых и их системные разработки в области жаргона, касающиеся происхождения отдельных единиц с привлечением данных по социальной лингвистике, в значительной мере повлияли на позднейшие исследования. Вклад в этимологизирование внесли В. Д. Бондалетов, В. Быков, М. А. Грачев, В. М. Мокиенко, Е. С. Отин, О. Н. Трубачев, В. В. Шаповал. Были составлены историко-этимологические словари жаргона. В историко-этимологическом словаре М. А. Грачева и В. М. Мокиенко рассмотрено происхождение более 150 слов и выражений, в книге «Все менты – мои кенты» Е. С. Отина более 500 единиц. Исследовательский опыт лингвистов показывает, как трудно установить этимологию и этиологию жаргонизмов. Поэтому ученые очень осторожны в своих предположениях и приводят несколько возможных версий, стараясь избегать неаргументированных и необоснованных сведений о происхождении жаргонизмов. Примером чего является статья о слове *бабки*, в которой авторы ИЭС две гипотезы (1. *Бабки* – от изображения императрицы Екатерины II на денежных ассигнациях

(Грачев 2008, Мокиенко: 41), 2. От названия русского варианта игры в кости, «суть которой в сбивании бабок – надкопытных костей домашних животных (чаще всего крупного рогатого скота) или заменителей этих костей, отличных из чугуна или свинца» (Грачев, Мокиенко 2008: 44) выставляются на суд читателя. Лингвистами учитываются предположения предшественников, занимающихся историей слов, например, статья о просторечной единице *шкет* (Грачев, Мокиенко 2008: 289–291). Е. С. Отин также в своих этимологических очерках приводит несколько точек зрения о возникновении слов, например, статья о *ботать*. Внимательное изучение источников позволяет приблизиться ближе к точному описанию происхождения лексических и фразеологических единиц и причисления их к жаргонным. Данную мысль подчеркивают в работах: «Проблема источников для составления арготических словарей» В. Д. Бондалетов (Бондалетов 2000: 6–19), «В. И. Даль и тайные языки в России» (Бондалетов 2004), «Источниковедение и лексикография жаргона» В. В. Шаповал и М. Т. Дьячок (<http://www.durov.com/linguistics2/shapoval-02.htm>). Важное, на что обращают внимание ученые, при описании истории того или иного жаргонизма – это: 1. учитывание характерных черт субкультуры преступного мира, 2. реалий времени, когда возник арготизм, 3. учитывание процессов аналогии, выделение моделей, восстановление звеньев семантических цепочек, 4. учитывание материалов территориальных диалектов, 4. определение круга языков-источников.

Работа над раскрытием загадок происхождения жаргонных слов и выражений продолжается. Перспективы очерчены в труде «Лексикография русского языка» –

«Массированное и целенаправленное выявление иноязычных корней русских социолектов невозможно без их фронтального сопоставления (...) Именно на фоне такого сопоставления могут быть прослежены межъязыковые связи русского жаргона с украинским, белорусским, польским, французским, немецким, греческим (в виде «фени»), тюркскими, ивритом, идиш и другими языками, а также начертаны точные маршруты перемещения традиционных европейских жаргонов в Россию и из нее – в соседние языковые ареалы. Такое сопоставление позволит и объективно установить соотношение «своего» и «чужого» в системе русских социолектов, и описать их пространственную и хронологическую иерархию, и прогнозировать будущее развитие» (Герд и др. 2009: 484).

Круг наших интересов также относится к этимологии единиц русской жаргонно-разговорной речи (см.: Невзорова-Кмеч 2009), а точнее к выявлению полонизмов. Этой теме были посвящены статьи Б. А. Ларина (1931), В. Д. Бондалетова (1990), В. В. Шаповала (2008). На польские корни некоторых жаргонизмов указывают М. А. Грачев и В. М. Мокиенко. Полонизмы исследованы слабо, поскольку имеется огромный недостаток источников, судьба некоторых из них трагична, так, например, Г. Улашин утратил картотеку

к словарю воровского аргю, насчитывающую более 3000 карточек, и 10-тысячную библиотеку, в которой были словари охотничьего, бортничьего аргю, аргю художников, актеров и др., а также рукописи и архивные документы. Частично ученому по памяти удалось восстановить материал и издать его в работе «*Język złodziejski*». Некоторые словари середины XIX – начала XX вв. К. Эстрайхера, А. Курки, В. Людвиковского, Х. Вальчака сохранились и служат для нас источником для изучения польско-русских жаргонных связей. Мы также в исследованиях используем и данные позднейших лексикографических трудов по польскому жаргону и просторечию Б. Вечоркевича, С. Грабьяса, С. Кани, К. Стемпняка, Х. Згулковой, М. Чешевского, Б. Хачиньского и др.

Выявление полонизмов в русском жаргоне осложняется и тем, что «результаты польско-русских языковых контактов на лексическом уровне имеют свойство маскироваться поморфемной заменой, напоминающей калькирование, или более свободной народной этимологией» (Шаповал 2008). Однако есть и очевидные, судя по формальным признакам, заимствования: быдло ‘угол. слабоумный человек’, западло ‘угол. непорядочно, грешно, ниже воровской чести’, падла ‘угол. непорядочный, подлый человек’, вздонжить ‘сделать что-л. назло кому-л.’, пензы ‘деньги’ и некоторые другие (см.: Ларин 1931, Шаповал 2008, Грачев 2008). Близкие по звучанию и семантике слова и выражения русского и польского жаргонов не всегда могут быть связаны нитью внешнего заимствования, однако именно такие единицы в первую очередь попадают в поле зрения исследователей. Например, *малинка* – *malinka* ‘1. лит. ум. ласк. куст малины, плоды с него (объяснение наше – Е. Н.); 2. угол. вор, который крадет малоценные вещи, 3. угол. наркотик для усыпления, отравления, одурманивания жертвы, 4. нарк. галлюциногенный наркотик, смесь наркотиков’. (Stepniak 1993: 300; Мокиенко 2000: 332), которое подробно описывается нами в статье «Русско-польские параллели в жаргоне» (2013) и как было показано, эти единицы могли развить жаргонное значение независимо друг от друга.

Фактографические данные позволяют точнее установить происхождение. Так, слово *долина* ‘карманная кража’ (Мокиенко 2000: 162) имеет польские корни. К. Эстрайхер в работе 1903 г. „*Szwargot więzienny*” пишет, что оно уже было разъяснено в 1748 г. в «Газете Выборчей» как ‘*kieszzeń*’ (Estreicher 1903: 3), затем встречается в произведении 1845 г. «*Kuglarze*» Ю. Держжковского (Estreicher 1903: 4–5). Более ранних упоминаний в русских источниках не отмечается.

Работа над выявлением полонизмов продолжается, результатом которой должны стать «Историко-этимологические очерки. Полонизмы». Рассмотрим один из схожих по фонетическому оформлению жаргонизмов, который не был объяснен в словарях М. А. Грачева, В. М. Мокиенко, Е. С. Отина.

Легавый/лягавый ‘угол. пренебр. 1. устар. агент сыскной полиции, уголовного розыска. 2. сотрудник милиции, [...] 4. предатель, доносчик’ (Мокиенко, Никитина 2000: 326) – *legawy/ligawy* ‘1. pracownik operacyjny policji, 2. policjant, 3. oskarżyciel donosiciel, 4. więz. informujący funkcjonariuszy służby więziennej o współtowarzyszach i wydarzeniach w celi, donosiciel w więzieniu, także przyznający się do popełnionych wykroczeń’. (Stępiak 1993: 277) М. Фасмер высказывает предположение, что само слово *легавый/лягавый* (< русск. *легавая собака*) восходит к польскому *legawy pies*. (<http://fasmerbook.com/p357.htm>) Как пишет С. Кохман, *legawy* образовано от глагола *legać* при помощи форманта *-(a)wu* и изначально означало ‘*lubiący się wylegiwać, leniwy, ospały*’. «Спецификация значения произошла в начале XVI в. Как пишет Славский, название собаки объяснил Ростафиньский: *legawy* – собака, которая научена ложиться и вертеть хвостом, когда увидит птицу, на которую охотится» (Kochman 1975: 81 – перевод наш – Е. Н.). В польских диалектах по словарю Я. Карловича также (Karłowicz 1900: III 20) в форме *ligawy* в значении ‘*leniwy*’. В словаре В. И. Даля находим *лягирь?* ‘южн. (немецк. *lager?*) *гуца или отстой, осадок, подонки*’. Словари воровского аргота Эстайхера, Курки, Будзишевской не отмечают *legawy/ligawy/lagawy* в жаргонных значениях приведенных выше единиц. У Г. Улашина в описаниях воровского аргота XIX в. встречаем для названия полиции слово *lagawy*, а полицейского агента выражения *pies, hint*|| (*hunt, hund*). (Ułaszyn 1949: 39) Б. Вечоркевич в лексикографической работе «*Słownik gwary warszawskiej XIX*» также пишет, ссылаясь на материалы и работы лингвистической комиссии при Академии наук (умений) в Кракове (1908–1913) (в которой также работал Г. Улашин) *pies* ‘*gw. więz. strażnik MPKJ V 383*’ (Wieczorkiewicz 1966: 329). В словаре арготизмов С. Кани также фиксируется *pies* как ‘1. *gw. przestęp. pracownik operacyjny MO, tajniak, wywiadowca, funkcjonariusz MO, milicjant*’ (со ссылками на произведения (1987), 2. *gw. więz. strażnik* (без ист. – Е. Н.), 3. *gw. gór. urządzenie do wylapywania wózków, które urwały się z liny na pochylni* (1988), 4. *gw. szul. as w kartach do gry* (без ист. – Е. Н.)’. (Kania 1995: 168) При интернет-запросах этимологии русского жаргонного слова *легавый* встречаем следующее:

«У этого прозвища еще дореволюционная история, возникшая от того что сотрудники уголовного сыска для конспирации часто маскировались под членов охотничьего общества и носили на одежде нашивки с изображением собаки легавой породы. Символ легавой собаки некоторое время также использовался и после революции, по одной из версий жетон с легавой собакой был лицевой стороной служебного знака-удостоверения. Сам же знак-удостоверение прикручивался к лицевому жетону и носился с внутренней стороны верхней одежды» (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions/34692-pochemu-policejskih-nazyvajut-legavye-otkuda-pojavilos-eto-slovo.html>).

Предположение, которое мы можем сделать, – слово *legawuj* вошло в русский язык из польского, но свое жаргонное значение развило «самостоятельно», а в польском в связи с известными нам историко-лексикографическими фактами, возникло под влиянием русского языка. Итак, заимствование данного слова в определенный период (который еще нами фактически и документально не установлен) происходило по пути *польский язык < русский < польский.

Русско-польские языковые контакты подлежат более внимательному изучению. К сожалению, как было подчеркнуто в данной работе, недостаток польских источников по жаргону стоит преградой на пути к истине. Внимательное отношение к каждому тексту разных веков (лексикографическому очерку XVIII–XIX вв.) позволит найти наиболее верное и правильное решение этимологических загадок (Мокиенко 2014: Запись 20.06.14). Не давая ответа на интересующий нас вопрос, мы тем самым подтверждаем актуальность выше намеченных перспектив изучения жаргонно-разговорной лексики.

Библиография

- Бец В. (1903), *Босяцкий словарь выражений, употребляемых босяками*, Одесса.
- Бирих А. (ред.) (2009), *Субстандартные варианты славянских языков*, Frankfurt am Main.
- Бондалетов В. Д. (1980), *Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство*, Рязань.
- Бондалетов В. Д. (1990), *Полонизмы в русских аргю и русизмы в польских: к изучению арготических ареалов и изоглосс*, [в:] *Беларуска-руська-польскае супастаўляльнае мованаўства*, Віцебск, с. 180–183.
- Бондалетов В. Д. (2005), *В. И. Даль и тайные языки в России*, Москва.
- Вальтер Х., Вовк О., Зумп А., Конупкова Х., Кульпа А., Порос В. (2004), *Словарь. Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы*, Москва.
- Герд А. С., Ивашко Л. А., Лутвинова И. С., Поцепня Д. М., Васильева О. В., Генералова Е. В., Гребенщиков А. О., Денисенко Ю. Ф., Зиновьева Е. И., Мокиенко В. М., Пурицкая Е. В., Тарасова М. А., Фоянкова О. И., Щекин А. С. (2009), *Лексикография русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации*, ред. Д. М. Поцепня, Учебно-методический комплекс по курсу «Лексикография русского языка», Санкт-Петербург.
- Грачев М. А. (1997), *Русское аргю*, Нижний Новгород.
- Грачев М. А. (2003), *Словарь тысячелетнего русского аргю*, Москва.
- Грачев М. А., Мокиенко В. М. (2008), *Русский жаргон. Историко-этимологический словарь*, Москва.
- Кузнецов С. А. (ред.) (2006), *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург.
- Ларин Б. А. (1931), *Западноевропейские элементы русского воровского аргю*, <http://www.philology.ru/linguistics2/larin-31.htm>.
- Невзорова-Кмеч Е. (2009), *Польские элементы в русском субстандарте*, [в:] *Картина мира в славянских и романо-германских языках. Международный сборник научных трудов по лингвокультурологии*, Самара, с. 105–111.

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. (2000), *Большой словарь русского жаргона*, Санкт-Петербург.
- Отин Е. С. (2006), «*Все менты – мои кенты...*» (*Как образуются жаргонные слова и выражения*), Москва.
- Приемышева М. Н. (2009), *Тайные и условные языки в России XIX в.* (в 2 томах), Санкт-Петербург.
- Фасмер М. (1966–1973), *Этимологический словарь русского языка*, <http://fasmerbook.com/p357.htm>.
- Химик В. В. (2000), *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*, Санкт-Петербург.
- Химик В. В. (2004), *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург.
- Шаповал В. В. (2008), *Проблемы выявления полонизмов в русском жаргоне*, www.polonica.ru/node/235.
- Brukner A. (1927), *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa.
- Budziszewska W. (1957), *Żargon ochweśnicki*, Łódź.
- Czeszewski M. (2001), *Słownik slangu młodzieżowego*, Piła.
- Estreicher K. (1867), *Gwara złoczyńców*, Warszawa.
- Kania S. (1995), *Słownik argotyzmów*, Warszawa.
- Karłowicz J. (1900), *Słownik gwar polskich*, Kraków.
- Kochman S. (1975), *Polsko-rosyjskie stosunki językowe od XVI do XVIII w. Słownictwo*, Opole.
- Kurka A. (1896), *Słownik mowy złodziejskiej*, Lwów.
- Linde S.B. (1808), *Słownik języka polskiego*, Warszawa.
- Stępiak K. (1993), *Słownik tajemnych gwar przestępczych*, London.
- Ułaszyn H. (1951), *Język złodziejski*, Łódź.
- Ułaszyn H. (2009), *Studia onomastyczne i socjolingwistyczne*, Poznań.
- Wieczorkiewicz B. (1966), *Słownik gwary warszawskiej dawniej i dziś*, Warszawa.

Elena Nevzorova-Kmеч

The history of Etymology of Russian Slang-words

Summary

This paper presents chosen issues connected with linguistic researches about the etymology of some Russian slang-words. The article attempts to show the tasks of future studies. Up to this day many questionable etymologies are still unsolved. One of them is the borrowing or adoptions of Polish jargon words by Russian. Despite many researches of this phenomenon there is still plenty to explore. There are a lot of controversial elements, which provoke the linguists to engage in research in this field of science. This paper shows also the difficulties that emerge, when scientists try to solve a language puzzle.